

БУНТАРЬ

Духа разрушающий — духа созидующий.

БАКУНИНЪ.

№ 4.

Листокъ русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ.

Январь 1909 г.

Вырваны еще трое изъ нашихъ рядовъ: товарищи Густавъ (Копель Эрделевскій), Соня Лившицъ и Сама Лисинскій. Посреди лихорадочныхъ приготовленій, на пороги новаго періода своей дѣятельности, погибъ Густавъ. Не суждено было ему, старому революционеру, закончить свою жизнь дѣломъ, которое онъ считалъ дѣломъ своей жизни. Онъ завѣщалъ его намъ. Погибла Соня, только что начинавшая свою революціонную дѣятельность и уже предвкушавшая счастье предстоящаго сраженія; погибъ Сама, молодой и честный воинъ, съ трепетомъ и вознѣніемъ ожидавшій момента, когда передъ нимъ откроется таинственное очарованіе битвы. Всѣ они съ неодинаковыми прошлыми, но съ одинаковыми надеждами на будущее. И всѣ они храбро сражались, оказывая вооруженное сопротивление полиціи и войску, осаждавшимъ ихъ квартиру въ ночь на 8 декабря въ Винницѣ (Подольской губ.). 13 часовъ продолжалась битва. У нихъ было всего два револьвера и 70 пуль къ нимъ. Подъ конецъ подожгли крышу дома, въ которомъ они заперлись. Задыхаясь отъ дыма, они послѣдними тремя пулями одинъ за другимъ покончили съ собой, чтобы не отдаться живыми въ руки враговъ.

Они умерли съ увѣренностью, что ихъ позиціи сейчасъ же будутъ заняты другими, и они не обманулись! Мы займемъ ихъ позиціи, удесителитъ свою ненависть къ строю, лишающему насъ нашихъ лучшихъ друзей и товарищей. А палачи пусть запомнятъ: не миновать имъ судьбы палачей!

Памяти Густава, Сони и Павла.

Густавъ (К. Эрделевскій).

Густавъ принялъ смерть въ бою. И рука не поднимается писать о его смерти, стыдно говорить о немъ. Едва хватаетъ мужества разсказать даже о томъ, чѣмъ онъ былъ для насъ.

Нѣтъ больше для Густава. Да нѣтъ же... онъ вѣкъ, онъ между нами. Достаточно того, что

онъ былъ среди насъ, чтобы образъ его, заскакивающий и зовущій, не исчезъ изъ нашего сознанія, пока оно не погаснетъ, чтобы голосъ его, теплый и ободряющій, увлекалъ насъ все впередъ... къ счастью и побѣдѣ.

Мы говорили о немъ, какъ о живомъ. Дядя сказалъ... Дядя думалъ... Дядя сочувствовалъ... Онъ все тотъ же дорогой, близкій каждому. Все тотъ же Дядя, которому мы доверили свои души. И онъ сбережетъ ихъ, выкупаетъ въ своей мужественной заскѣ и вышлетъ въ бой очищенными, просвѣтленными, радостными.

Неожиданное счастье постигло насъ — рѣдко кому оно достается — мы узнали человека, мы грѣясь въ лучахъ его сіянья. И наше счастье не будетъ полно, если мы не внесемъ его дорогой цѣной: жизнь наша зажглась у сердца пылантаго любовью, и мы понесемъ ее, зажженную и горящую, навстрѣчу смерти и подвигу, въ бой со всѣмъ, что гразитъ и оползаетъ жизни, что унизляетъ и обезображиваетъ человека. И когда мы будемъ умирать, наша улыбка, благославляя, скажетъ: — Густавъ!

Ибо идеаломъ его былъ — красивый, сіяющій внутренней мощью, человекъ, — и такимъ онъ былъ самъ.

Ибо невадѣлъ онъ въ человекѣ все маленькое, гаденское, пресмыкающееся, и невадѣлъ пронзительно, жгуче. Но для всѣхъ сейчасъ же дѣлалось понятно, что ненависть его была изъ великой страсти къ гордому, обзагорженному и просвѣтленному человеку. И любовь и ненависть были къ нему однимъ чувствомъ. И былъ онъ рѣшителенъ, прямъ и непреклоненъ какъ въ своей любви, такъ и въ своей ненависти. И любовь и ненависть его — осѣждала и вдохновляла. И всакий, кто приближался къ нему и кому онъ давалъ приблизиться къ себѣ, чувсто-

валъ, себя выздоровѣвшимъ. И кто бы онъ ни былъ, томимый ли боевой жаждой, или углубившійся въ вопросъ бытія; преклоняющійся ли

Соня Лившицъ.

передъ реальномъ жизни или замечтавшійся о преображенномъ человекѣ, — онъ сейчасъ же чувствовалъ себя втянутымъ въ кругъ магнетическаго вліянія Густава. И какъ ни была душа омрачена уныніемъ и безрѣіемъ, она сейчасъ же свѣтлѣла, выиринизалась, набиралась свѣжести и силъ и начинала свой новый ростъ, какъ замерзшій отъ почного холода вѣтокъ, на вѣдѣ

ющие личности которого узнал своих интеллигентных друзей. Потому что дышала на весь боксострой его фанатическая вера в успех нашего дела; потому что чувствовалось, что в нем все есть, что он всем будет: своей же рукой и бомбу бросит, своей же мыслью обнимет и жизнь и человека; потому что в нем жила и трезвая действительность реалиста и мечта возмужавшего человека. Потому что знали все, что он будет и организатором дела, и первым его исполнителем. Потому что из каждой черточки его лица проглядывал его закаленный душевный героизм; потому что каждый сейчас же внутренне убивался, что этого человека готов принять на себя величайшее мученичество.

И потому то всегда окружала его семья друзей, связанных его сердцем, отогретых его любовью. Когда семья собиралась, то казалось, что он проталкивает руки и зовет: Придите все! Принимаю и усмиряю, а даю вам и радость и веру. И когда семья расходилась, то казалось, что он выпускает птиц, которыми он дал крылья.

И вот улетят он сам, наш соколик, — улетят, чтобы никогда не вернуться. Но семья, связанная им, не распадется; дружеская связь, сотканная его рукой, не порвется. Мы собою будем продолжать дело, дышащее им; мы собою будем проводить те планы, которыми он был вдохновлен. Мы принимаем на себя его миссию. И выйдете так, что не напрасно вбрызнул Человечья, не напрасно он внул эту веру нам. И если мы не закончим влзатого на себя дела, то мы передадим другим то пламя, которое он зажег в нас. И дело Густава не пропадет.

Если мы, все те, которые приняли от него огонь его боевой страсти, все те, которые имели счастье прислушиваться к бичению его человеческого сердца, захотим быть благодарными, то не одним терном сложим свою голову, пораженный нашей неадекватностью и не одна тысяча народа будет поднимать их востановить против позора своего поражения, — и это будет лучшая дѣла, которое мы можем посвятить памяти брата и человека борца Густава, — и это будет нашей мстью!

Густав был старшим революционером. Ему приходилось и сидеть в тюрьме, и ждать смертной казни, и биться из тюрьмы. Думая о нем, мы можем сказать себе: — он умер, но он успел познать, успел побороться с жизнью. При мысли о Сою у нас нет даже и этого больше чем слабого утешения.

Она только что хотела броситься в бурю жизни и уже эта буря придавила ее тяжелой и мрачной могилкой... Она так сильно рвалась к революционной работе, столько страсти вкладывала в свои мечты о ней и ничего, ничего не успела сделать... Думаешь об этом и кажется, что если бы только рассказать всем обожавшим и страдавшим о том, как их любил Соня и кто была она, то они сами стали бы поступать так, как она хотѣла их научить... и мечта ее жизни исполнилась бы. Хотелось начать этот рассказ и чувствовалось, что слезы сдавили тебе горло, что слова твои бѣдны, образы тусклы.

Но сказать все же надо. Может быть теплая человеческая любовь вложить душу в наши холодные слова, и предстанет предъ людьми светлый образ нашей Сони.

Соня была пылкой душой, которую Густав вынул из под ю. Жизнь заперла перед ней все выходы из простора, и ей было душно и тесно, как только что пойманной птичке в клетке. Она была жаждущей и тоскующей, а жизнь не давала ни капельки удовлетворения. И

даже когда перед ней открылись двери социал-демократии, одиночество ее души не прекратилось. Ее хотя и окружала семейная атмосфера праведной интеллигенции, но до настоящего живого дела ее не допускали. Считали ее, очевидно, слишком дѣтским, слишком вѣтхим, слишком женским существом, чтобы дать ей сопереживать с жесткой рабочей средой. И стоило только ей вырваться из родного круга, как на нее от социал-демократии поило страшный холодок. Ей покровительствовали как сочувствующей буржуазки, ею пользовались для мелких денежных услуг, во всем же остальном — холодность, чуждость, манерность, дѣланная улыбка, свѣтская пустота отношений. И еще больше тяжела тоска сдавила ей сердце и еще больше безнадёжная грусть легла на ее лицо. И вот она сталкивается с анархистами, и получила она что то новое. Она очутилась среди родных, человеческих людей. Заинтересовались ей самой, ее личностью, каждая складка ее души получила свою цѣнность, ибо послала прежде всего пробужденного человека. Мягкая, ласкающая волна учения любовного, человеческого отогрела ей сердце, и она обогрелась вдохновлена. Встрѣча с Густавом окончательно ее определила. Он сейчас же вошел в ней душу чуткую, живую, юную и пылкую. Под его влиятельным дула ее внутреннею, как от таинственного соприкосновения. И когда вكتورские из нас еще спрашивали, как пробрался к нам семей человек из чуждого нам мира, душа ее уже трепетала, как только что зажженный огонек. И она все больше разгоралась, пламенила Соня стала неузнаваема, все преобразилась: грусть-недоумение превратилось в великую грусть об изстрадавшемся человеке. Лицо ее стало подвижническим, суровым, с выраженіем напряженного ожидания. В ней началась страшно усиленная работа мысли. Дѣтское, влюбленное, ласковое отношение к жизни ее не покидало, но серьезность трагических переживаний заискрилась из ее глаз. Когда, бывало, она начинала рассуждать своими вѣчными, мятежными голосом об отвлеченных вопросах теории или чисто технических вопросах движения, то хотѣлось крикнуть: оставь пташечка, не лѣзь на такие непонятные томы! но, несмотря на нее, ты убѣждала, что это не наивная серьезность ребенка, а жестоко изстрадавшая, глубоко наблюдательная мысль человека.

Как она мучилась, как она была над вопросом: вправду ли она пошла на акт? Это значило, что она понимала насущную нужду анархизма в пропагандистах. Решить этот вопрос, она уже терзалась вопросом: «А ли состою ли я быть пропагандисткой? А если да, то вправду ли я, воспитанная в сѣмьоте, идти к тождеству рабочему с проповѣдью востанія?» Этот последний вопрос возникал ее до слез.

Вѣсть об ужасе из Екатерининской тюрьмы круто повернула ее настроение. Одна мысль о них бросала ее в холод. И она сказала себе: «Если такое злоключение могло совершиться на глазах безучастной массы и остаться безнаказанным, то слово беззастенчиво разбить это жертвое молчание. Революция связана, ее надо освободить. Если злоключенный гул преступлений не мог разбудить массу, то разбудить ее акты, величие которых превенит ужас преступления».

И она вся загорѣлась жаждой подвига. Она созидала для него. Каждая капля ее крови жаждала быть пролитой по славу великого дела.

Когда она указала, то такая одухотворенность, такая восторженность свѣтлала на ее лице, что, глядя на нее, думалось: мы так убѣжать не будем.

«Живой не сдамся!» были послѣдними сло-

вами ее к другу передъ отъѣздом. И это оправдалось.

Попавши въ западную правительств, она идет на встрѣчу смерти, как дѣвушка на встрѣчу своей первой любви. Она берет на себя первую роль. Она страдает, поет, веселится и ободряет. Она устраивает праздники гротескской смерти.

Когда мы издали прочли въ газетах, что послѣдними словами дѣвушки передъ тѣм, какъ застрѣлилась, были: Прощай, Анархизм! мы сейчас же чутьемъ угадали, что это была Соня. Ибо такой преданной, горячей, юно-наивной любовью любить своего друга-утѣшителя — Анархизма могла только Соня.

21 ноября въ екатерининской тюрьмѣ казненъ товарищ Павелъ (Авраамъ Хазановъ). Въ ночь на 8 декабря погибли Густавъ и Соня. Меньше, чѣмъ въ теченіе трехъ недѣль ушли изъ мира трое любимыхъ сподвижниковъ друзей-товарищей. Павелъ былъ третьимъ въ союзѣ трехъ. Цѣлый годъ эти трое жили только мыслью другъ о другѣ. Все время они делили мечту о совместной работѣ въ Россіи. Однимъ изъ плановъ, которыми была вдохновлена особенно Соня, было освобожденіе Павла или во крайней мѣрѣ отъѣздъ за его смерть. Судьба рѣшила иначе. Точно не суждено имъ было жить другъ безъ друга...

Павелъ (Авраамъ Хазановъ).

Вспоминается грустный бархатный взглядъ Павла, которымъ онъ точно голубилъ и ласкалъ тебя. Вспоминается его мягкій проникновенный голосъ, рвавшийся прямо изъ сердца и шипущий свою дорогу прямо къ сердцу. И прежде всего Павелъ — это юрчистость испанки, это мучительная неотступность вопроса: гдѣ правда?

Гдѣ правда? Съ этимъ вопросомъ онъ скитался повсюду: — углубился въ свои родные брачные дѣла, прислушивался къ таинственному шепоту этой близкой и чуждой природы; поднимался одиночкой въ испанскія горы, вѣривъ свои вѣры въ каменные глубины. И въ кингахъ и въ людяхъ онъ искалъ разрѣшенія того же недоумѣнія: онъ жадно набрасывался на интересовавшую его книгу, читая между строкъ, стараясь понять, что скажетъ, душа автора его собственной душѣ; выпивалъ нѣмало изъ чуждой рѣки — можетъ, за предѣлами словъ, въ томъ, что не высказывается и страшно сказать, лежало разгадка его недоумѣнія.

Гдѣ правда, когда жизнь дуритъ насъ, когда за каждымъ порывомъ она готовитъ намъ разочарованіе, когда за годами увлеченія и трагич-

ческой борьбе, когда каждый день жизни и смерти жизни вновь дѣлится и переопределяется, она воспринимает бѣса сомнѣній, который все подорывает разрушительной критикой и наводит комическую окраску на наши трагические переживания?

Когда сегодня жизнь мой восток показала, что то, во что я вчера вѣрил, — ложь, то гдѣ поруга въ томъ, что мол сегодняшняя вѣра завтра не разоблачится какъ ложь? Тогда все ложь и пѣть правды! — Такъ мучился Павелъ, и ходилъ онъ унылымъ, съ дѣломъ сомнѣнія въ душѣ, и жизнь тяготила его.

Въ тому времени относится его встрѣча съ Густавомъ. Съ нимъ происходитъ переломъ. Дѣйствительная страсть Густава передается и ему. Въ немъ проснулось знакомое ему страсть къ борьбе. Въ немъ жила стихія бора. Опасности его очаровывали, ослѣпляли, въ борьбѣ онъ доходилъ до самозабвѣнія. Это была захватывающая черта натуры Павла. Мягкій, задумчивый, вѣчно углубленный въ себя и вѣчно подмолвливший какъ будто своимъ неустаннымъ неспокоемъ, онъ сочетаетъ все это съ чисто русской любовью къ удалству и широкому размаху. Онъ какъ бы воплощалъ въ себѣ духъ русской племени, отъ которой вѣетъ и удалы и тоской. Не даромъ онъ ее такъ любилъ, онъ даже то порылъ плесканными поговорками.

Обаятельная личность Густава, вселявшая въ немъ все мелкое и пошлое, увлекательная съ преобладающей силой въ величавую и прекрасную, поддѣлывала на него такъ, что онъ вернулъ къ убѣжденію, что есть *что* любить и *что* ненавидѣть и что, следовательно, есть за что бо-

ротся. Любить человѣка, возрастающаго въ насъ, ненавидѣть дѣла, сдерживающія его ростъ и бороться за высвобожденіе въ насъ той страсти, которая творитъ его силу и красоту. И въ мысли Павла приходило въ своеобразную гармонию между собой: есть несомнѣнная правда и есть несомнѣнная ложь! Правда въ человѣкѣ, въ воплощающей меня страсти къ борьбѣ за него, въ воодушевляющей меня любви къ нему. Не правда во всемъ томъ, что обходитъ его. Мое «завтра» всегда будетъ обманывать меня, если центр тяжести моей вѣры и переносу на что-нибудь вѣннее, вѣнчательное, въ программы, въ тактики, въ планы будущаго строя. Если я борюсь сейчасъ же, въ настоящемъ, за позноту своего идеала, за великое, вырастающее въ борьбѣ, человѣка, то мое «завтра» не можетъ обманывать меня. Оно терять для меня всякій смыслъ, оно уже не критеріумъ, не провѣрка для моего «сегодня». Каждый день мой имѣетъ свою правду, которую я осуществляю въ борьбѣ.

Въ Россіи онъ уѣзжаетъ бодрый, съ обновленной вѣрой и возрожденной душой, еще съ бо- лѣ захватывающимъ мужествомъ готовый окунуться во все опасности битвы. И Павелъ снова сталъ разнотопъ по своимъ брянскимъ лѣсамъ, благо въ насъ объ анархизмѣ, излагая его, какъ ученье о нерожденіи человѣка въ борьбѣ съ неправдой и зломъ. И прачею по заповѣдямъ углубилъ, готовясь къ новымъ сѣльнымъ нападеніямъ на строй угнетенія и рабства, за начни- кой божьей, онъ развивалъ свои новыя мысли и думы передъ своими «дѣтскими братьями», передъ своими товарищами по организованной ими Брынско-Вѣженской группѣ «Братство».

Окружающая среда была какъ разъ подготовлена, чтобы воспринять его настроеніе. Подъ вліяніемъ анархизма тамъ находились не только молодежь, но и возмужалый народъ и даже старики, и анархизмъ съ самаго начала получалъ тамъ своеобразное толкованіе. Анархизмъ понимался какъ новое ученье о жизни. Анархизмъ это праведный и святой, жизнь свою готовое положить въ борьбѣ съ неправдой. Анархизмъ это героизм-мученики, ратуящие за то, чтобы подворить правду на землѣ. Анархизмъ понимался какъ внутренняя сила, претворяющая в жизнь, и человѣка. Анархизмъ не долженъ знать расхожденія между словомъ и дѣломъ, это наступленіе новаго царства. Наростало уже то воодушевленіе, которое замѣчается въ народѣ въ періоды, предшествующіе великимъ народнымъ броженіямъ. И какъ много сдѣлалъ въ Павелъ, оставаясь онъ въ своей родной брянской стихіи, въ здоровой и бодрой атмосферѣ народнаго анархизма.

Но власть, стоящая на стражѣ неправды, вырвала его оттуда и, преслѣдуя его по пятамъ, нагнала въ тюремный застѣнокъ и накинута на него петлю, обвивавшую его въ какомъ то подломъ грабѣжѣ.

Павелъ, поппенный за грабѣжъ — это вѣчное проклятіе гнусному строю насилія. Но поппенный Павелъ пробуждаетъ къ жизни дѣтскости и сотни Павловъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ борьбы за новое, возрожденнаго человека. Духъ Павла неистребимъ, и видѣніе его о новомъ человѣкѣ обудется, станетъ дѣйствительностью.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Богачъ дикуетъ: онъ уеиѣтъ уже выбить рабочую массу изъ всѣхъ занятыхъ было ею позиций и прочно укрѣпится на нихъ.

Заработная плата городскихъ рабочихъ понижена на 30, 40, мѣстами 45 и 50 %. Рабочій день увеличенъ до 10, мѣстами 10 1/2 часовъ. Воскресный отдыхъ тамъ, гдѣ онъ былъ введенъ, даннмъ давно упрощенъ. Система штрафовъ свирѣпствуетъ во всю: штрафы за опозданіе на двѣ минуты, за разговоры во время работы, за слишкомъ долгое судніе въ клетѣ. Просьба объ увольненіи грубого мастера объявлена «дерзостью», за которую рабочіе подлежатъ увольненію безъ предупрежденія за двѣ недѣли. За стачку десятка другого рабочихъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ выбрасываются на улицу рабочіе всей фабрики, всего завода.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ деревнѣ. Минувшимъ лѣтомъ на югѣ Россіи взрослый рабочій получалъ 20—30 копеекъ за работу отъ восхода до захода солнца. Почти въ каждой помещичьей усадьбѣ завелась пристройка — казарма для стражниковъ. И помещики могутъ снова сказать про «свою» деревню: — а въ ней и царя, и въ ней и бога.

Предпринимательские соумы растутъ, какъ грибы. Владѣльцы педныхъ промысловъ, сахарозаводчиковъ, мукомольевъ, фабриканты свечекъ, металлурги, фабриканты текстильнаго производства все это объединяется въ постоянныя прочныя организаціи. И соитъ промышленныя сѣдовъ (ихъ центральный комитетъ) какъ изъ рта изобилии сыплетъ новые проекты обзаванія рабочего класса.

А рабочій и крестьянскій? Они молчатъ: должно, по рукамъ и ногамъ оковала ихъ сила вражды. Они молчатъ. Зато слишкомъ ужъ много говорятъ оставшие соитники отъ революціи, т. е. социал-демократы. Мутнымъ ручейкомъ льется эта неспокойная рѣчь и лишь съ трудомъ можно уловить ея содержаніе: —

дѣлать это, когда-нибудь посадъ, а теперь, бѣдники, говорите и помогайте намъ говорить. — Жалкая растерянность чувствуется въ этомъ говореніи и въ призывахъ къ нему. Говорить, потому что не знаютъ, что нужно дѣлать. Буржуа, передъ которыми разширились съ предложеніемъ «срочъ или, вѣстѣ бытъ», предположить ити вѣстѣ... съ помѣйкомъ, амѣстѣ съ нимъ онъ и бѣтъ... рабочего. Крестьянскій призывникъ благами буржуазно-демократической воли справедливо предположилъ прозаическую земельку. Наученный горькимъ опытомъ востѣдшихъ лѣтъ, городской рабочій тоже косо всматривается на говоруну отъ ноздринъ. Социал-демократическая наука общала, что политическая «свобода» въ Россіи — историческая неизбежность, жизнь подсказываетъ, что она — историческая невозможность. И три года тому назадъ еще позная силъ социал-демократія, теперь все дальше и дальше уходитъ отъ арены общественной жизни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ социал-демократическіе репуты «мирной борьбы» были съ грихомъ пономая, но у мѣста. Неорганизованный русскій капитализмъ устуалъ любой стачкѣ, лишь только она принимала хоть сколько-нибудь затяжной характеръ. Но такъ дѣло пошло до революціи, въ процессѣ которой отечественный Гаузаевъ усвоилъ всю премудрость западно-европейскихъ способовъ борьбы съ трудомъ. Чтобы добиться какихъ-нибудь уступокъ, городской рабочій долженъ теперь, подобно крестьянину первой половины 900-хъ годовъ, прибѣгать къ насилію. Ни мирная забастовка, ни парламентская «борьба» мѣста имѣть не могутъ, и, истощивъ всѣ ресурсы допустимой для нихъ тактики, социал-демократы, кинувъ въ сторону доведенныя до отчаянія народныя массы, говорятъ, обращаясь къ правительству: — дайте намъ возможность строить легальные профессиональные соумы и направить рабочее движеніе на путь мирной стачечной борьбы, не то «они» устроятъ намъ «анархію». Точъ въ токъ такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ тому на-

задъ безсильные освободенцы, забывая на заднее крыльцо къ Павлу: — «дайте намъ конституцію, не то они устроятъ намъ революцію» *).

Жизнь оставила бѣднотѣ очень ограниченный выборъ: или медленно умирать голодной смертностью или вступить на революціонный путь насильственной борьбы. Соответственно съ этимъ серьезіе и отвѣтственіе становится наемъ, анархизмъ, положеніе. Чтобы жить и развиваться, масса можетъ употребить только одно орудіе — анархическіе методы борьбы. Мы обзави постоу еще разъ извѣстны всѣ условія этой борьбы, еще разъ присмотрѣться къ состоянію самихъ массъ и опредѣлить, какими образомъ массамъ легче всего подойдуть къ этимъ условіямъ.

Что въ широкихъ слояхъ обездоленнаго населенія Россіи революціоннаго настроенія нѣтъ — это фактъ безспорный. Называя революціонной бѣдноту, на глазахъ у которой можно безнаказанно творить хотя бы ужасы, происходившіе въ Екатеринбургской тюрьмѣ — безсмыслица. Да, масса сейчасъ не *выступаетъ* революціонно, не поднимаетъ мечъ каравіи, но значить ли это, что она уже «духовно уверна», что умерла надежда и чина? — О, нѣтъ! До тѣхъ поръ, пока эта масса еще въ состояніи выдвигать идущихъ не задумываясь на смерть революціонныхъ одиночекъ, ея смертный приговоръ еще не произнесенъ. А что этихъ одиночекъ еще очень и очень много, видно хотя бы изъ того, что русское правительство, несмотря на свое стремленіе показать, что «спиритъ» водворенъ, все же не смѣетъ прекратить кровавую работу военныхъ судовъ. Надо только, чтобы революціонные одиночки проявили свою разрушительную, боевую энергію такъ, чтобы каждое проявленіе помогало массѣ уяснить себѣ задачи дня, вызвало бы къ жизни дремлющую революціонную энергію массъ. А такимъ дѣйствіемъ будетъ широкое

*) См. «Голосъ Социал-демократа». № 1—2. Крисисъ въ профессиональныхъ движеніяхъ. Е. Александровъ стр. 19.

и планомерное приращение экономического и антибуржуазного террора. Еще раз подчеркиваем: выступления одиночек должны теперь быть, чем когда-либо, стоять в теснейшей связи с нуждами бедняка, чтобы показать ему, что из кажущегося безвыходным положения выйти есть, что не згибать он в тупой угол. И еще: объединенные канальисты будут реагировать на вызовы одиночек реакцией по всему фронту, единичное выступление неминуемо превратится в классовое столкновение. Чем чаще богачи из этих столкновений будут выходить торжествующими, тем сильнее будет становиться уныние бедняков, тем чаще их озлобление будет направляться против революционеров и революционных методов борьбы. Поэтому, до тех пор, пока масса не начнет в своем целом активно отвечать на такие походы, за первыми ударами должны последовать целый ряд подобных ему. *Потому канальистов должно быть столько террором организованным, с которым нашими группами следует прийти на помощь подчас стихийному проявлению террора неорганизованного.*

И если таким путем нам удастся хоть сколько нибудь сдержать бешеное нападение на массы, то мы этим самым скажем им: «смотрите, непрерывное насилие против инициативы и самостоятельности» — вот он папир-а-мозаиста, вот он единственный мозок, который можно разбить иши рабства». И массы пробудятся от своего ишибашного сна, устратив своего рабского мочалина. Надо только, чтобы анархические группы вели атаку буржуазии упрямно, обдуманно, стройно. О важности широкой пропаганды, конечно, и говорить не приходится. Добавить развее только, что нам необходимо усугубить нашу пропаганду, сдвигать ее содержательнее и глубже.

Нечего скрывать от себя, что *сегодня* наши группы не в состоянии выполнять такую грандиозную работу: слишком уж они слабы, слишком разнообразны и слишком сильно грызутся между собою дорогие товарищи-анархисты. Мы все же сочли необходимым выдвинуть эту задачу во всей ее грандиозности. Пусть всякий русский анархист еще раз продумает, какой серьезный момент теперь переживает обездоленная масса России, пусть всякий русский анархист еще раз взвеет трудность нашей очередной работы и тогда, мы уверены, русский анархист очень скоро справится и с внутренними расприями и с организационными недочетами.

Л. В.

«АЧЕЙКИ БУДУЩАГО» И «АЧЕЙКИ ВЪ АЧЕЙКАХЪ»

«Синдикат — ачейка будущего строя» — так гласит стародавнее предание. Приспешники синдикализма из анархистов из этого прибавляють, что синдикат — орган рабочего самоуправления, и, следовательно, захват производств синдикатами равносильны осуществлению анархического коммунизма.

Посмотрим, так-ли это.

Будущая коммуна составится, конечно, не из привилегированных корпораций. В силу обобщенного революцией всеобщего права на хлеб, в нее войдут все наличные члены общества. И если производители будущего общества сгруппируются по профессиям, то в состав этих профессиональных организаций должны будут войти не только оставшиеся ишибашного синдиката, но и те, которые пребывают за бортом ишибашного производства.

А если это так, то товарищи синдикалисты сдвигало бы объяснить, каким образом про-

является синдикалистской «культуры» хотя бы луниспролетариат.

Допустим, что в процессе борьбы синдикатам удастся овладеть большинством фабрик и заводов, — означает-ли это наступление коммунизма?

Осуществление коммунизма предполагает перемину курса производства в направлении удовлетворения внутреннего и, внутреннего рынка.

Канализм направляет производство в сторону ишибашного рынка: он обходит потребности ишибашного населения и часто действует наперекор им; возмездное существование массы является условием его существования. Силой власти ему удается держать массу на голодном пайке и он может присуживаться исключительно к своей потребности в быти.

Революция должна положить этому конец. А для того, чтобы это случилось, ее содержанием должна быть не столько передача фабрик и заводов в руки свободных корпораций, сколько полнейшая реорганизация производства. Реорганизация эта не произойдет сразу, она может явиться лишь следствием длительного революционного процесса, в течение которого обездоленная масса снова и снова будет выдвигать лозунг «удовлетворения для иши». Вит этого условия переход фабрик и заводов в руки синдикатов означал бы только перемину хозяйства.

Таким образом, чтобы осуществить коммунизм, массы должны раньше всего быть готовы к войне. Важнейшей заботой победоносной социальной революции не в синдикальной организации, а в чужестности массы ко всякого рода угнетению. И осуществлению будущего общества больше всего содействует тот, кто вспыхивает протеста массы пытается превратить в социальный пожар, кто приоткрывает и действием выжигает в массе бунтовской дух, кто вызывает из ней уныние революцией.

Меньше всего эта задача по плечу легальным синдикатам *).

Итак, ни в качестве творцов будущего строя: ни в качестве источников революционной энергии синдикаты не оправдывают возложенных на них надежд. Но товарищи синдикалисты, сгруппируйте синдикальное движение в массовое движение, или должны сослужить еще одну службу — доставить самый победоносный аргумент.

«Представьте себя, говорят товарищи синдикалисты, что нам удалось беззастенчиво овладеть синдикальным «рынком», что мы «обанархистили» синдикаты. Кто будет в момент революции сильнее: мы ли с нашими миллионами последователей, или мы с нашими кулаками революционеров?»

Жаль только, что благородные желания в наше время не служат доказательством. А для того, чтобы сдвигать их таковыми, мы, товарищи синдикалисты, должны были бы выдвигать миру секрет того, каким способом мы привеем преимущественно мирное, большее частью традиционное рабочее движение к социальной революции через ионение.

Наша задача не говорить массам об анархизме, а засадить в их среде здоровое революционное сима, всунуть в массы глубокие корни, посадить в ней те крутые анархические стволы, вокруг которых в острые моменты столкновений могли бы группироваться быстро революционизирующиеся массы.

Благодаря постоянному воздействию анархических групп, многие синдикаты во время революции покажут и могут выставить анархическую программу действий, но это может слу-

читься лишь при наличии чисто анархического рабочего движения.

Переноси же центр тяжести нашей работы в синдикаты, разбавля наш анархизм водичкой легальности (а иначе он неперемлем для широкой нейтральной массы), мы, понятно, такого движения не создадим.

Исходный пункт анархического возмездия, — это рабочая анархическая группа. Разрастаясь, она из чисто технических соображений разбивается на группы по профессиям — анархические синдикаты. Их задача — самым тщательным образом слезть за жизнью своего дежа — для того, чтобы в нужный момент стать во главе столкновения и постараться расширить его до разрывов социального конфликта.

Много дешевого остроумия потрачено товарищи синдикалисты, доказывая несостоятельность понятия «анархический синдикат». Из кажется, что рабочий в таком синдикате то и дежа будет впадать в противоречие с самим собой. — Как же так? Принципиальность... и другие! — частинное, удовлетворяющее временную нужду, требование. Но если уж так: если уж идти на сдвиги со своей анархической выдержанностью, то зачем же было и огорождать горюхоту: зачем понадобилось уходить в специальные синдикаты?

Повидному, товарищи синдикалисты считают себя принципиально выдержанными, потому что, входя в синдикаты, они раз и на всегда отказываются от принципиальной выдержанности.

Но мы уходя в анархический синдикат, не забываем, чтобы под собственным флагом вести борьбу за временная угнетения, а забываем, чтобы отсюда лучше всего поддерживать революционную атмосферу, вызывать к революции настоящие живой интерес, чтобы она в нужный момент могла стать очередной задачей дежа.

— Ну, скажете вы, — как раз мы синдикалисты и преследуем эту цель. Входя в синдикаты, мы хотим создать внутри их коммунистические группы рабочих анархистов, задачей которых будет ставить проблему социальной революции.

Раньше всего, мы и сами не будете отрицать того, что все эти наши «входящие» группы только присказка, все же сказка для нас в синдикатах. Но, если бы эти группы и не случайно, не мельком упоминались нами в нашей полемике против нас, если бы они действительно составляли сущность нашей работы, то нам сдвигало бы доказать, каким образом такие группы могут остаться неузнаваемыми, каким образом они могут, раскрывая свои карты, не понасть под непрекращающийся огонь правительства и широкой нейтральной массы.

Развее только эти «входящие» группы, эти «ачейки в ачейках», будут держать себя туже воды, ниже травы. Они будут только обещать синдикаты, брать на себя такие предприятия, на которых масса, противопоставляя духом легальности, никогда не рискует, — какие нибудь экстренные случаи саботажа. Делом этих «ачейек в ачейках» будет заниматься революционным ишикоинимательством, — для того, чтобы в самом синдикате была тень да глать да божья благодать. Исно, что они будут не революционизировать, а усмирять массы. Исно, что ачейки будущего ко моменту наступления этого будущего уешибот так впрокутут, что их придется выебать с прочим хламом буржуазного общества свалить в сорный ящик социальной революции.

«Пти», скажете вы, «эти «входящие» группы будут дельно возмещать синдикаты в анархизм». Чем же? — Словами? Тогда низ заране сдвигать выдвигать свидетельство о бесплодности; если же действиями, и не шутками, а

*) См. статью: Почему мы не идем в синдикаты? в № 2-3 Бунтаря.

настоящих боевыми выступлениями, тогда одно из двух: или широкая масса отшатнется и выдаст своих конспираторов с головой, или же наиболее революционная часть синдиката оторвется, чтобы основать анархической боевой синдикат. Это и являлось бы Одесью во время стачки моряков, в Варшаве во время стачки механических сапожников, и в некоторых других местах. Там стачечная комиссия превратилась в настоящую боевую анархическую группу, которая руководила всеми массовыми движениями. Ну, с этого и надо было начать. Помните, что все понятия даже наших так называемых синдикалистов строит не что подобное синдикатам, выходили именно попытки строить боевую анархическую рабочую группу. В ком только живо революционное чувство, будет так и вперед поступать в России и — ни с. Для нас такие группы будут составлять узловые пункты нашего организационного строительства. Они не только прокладывают у нас в колонии, а находятся в центре нашей тактики. Мы же на это ругаете нас индивидуалистами и славословите детали, а потому и преимущественно ирриный французский синдикализм; и мы вправе думать, что мы хотели бы видеть его насаждением на русской почве.

Если высто туманных речей о прелестях "автономного" рабочего движения во Франции, мы не скажем ясно и определенно, что мы теперь считаем нужным делать в среде российского пролетариата, то мы вправе будем думать, что эти речевые мы прикрываеме бегством из рядов боевого анархизма.

С.

КЪ ТЕОРИИ ТЕРРОРА.

Насилие — вот основной факт, на который нападается борцы с современным строем. И только в борьбе он ощущает его. Во время стачки и застоя, в застывшей атмосфере примирения, насилие скрывается за "объективностью" явлений. Все идет своим чередом, ни в ком не вызывая ни сомнений, ни колебаний. Насилие не замечают, когда оно не оскаривается. Эксплуататор терзает свою добычу на основе "естественного и неизменного порядка вещей". Его наглость и уверенность

в своем праве сообщают ему невинный и циничный вид.

Но вот массы восприняли, они стали видны активными борцами. И то, что раньше считалось естественным и неизбежным, предстает перед ними, как величайшая несправедливость. Они стоят лицом к лицу не с мертвыми силами, а с живыми врагами, с которыми надо вступить в борьбу, отбавляя на насилье сверху насильем снизу. Цель естественных и неизбежных законов разрушается насильственными вмешательствами. Во столкновении живых сил насилие выходит из скрытого состояния. Насильнику, обогащаясь до того, что считал себя невинным агитом, начинать созавать себя преступником, злостным противником эксплуатированных масс. Он уже сознательно прибегает к насилию, как к средству подчинения масс своим интересам. Проявившись в своем настоящем виде, он нависает на себя всю озлобленную массу.

Террор является таким образом злобичителем, он отбрасывает врага, он указывает, где насилие. Это тот острый зонд, которым насаждаются раны общественного организма. Из области стихийных явлений тиет и экзотация переводится в область сознательной воли людей. Террор разрушает ту почву, в которой зрелище смена востания.

Повторяем: террор злобичит, выводит наружу насилие, срывает с него маску гуманности и благообразия, и оно предстает перед нами в своем гоом, неприкрашенном, невыгодном виде, — откровенное и безстыдное! Такими, как оно есть! А против откровенного и безстыдного врага мы открываем военные действия. Война немедленная, неотложная. Каждый берет на себя почти начать эту войну, его актом она открывается. Но насилие нельзя ни перехитрить, ни переубедить, ни переиграть добром и лаской, ни переждать, его можно только победить. Борются же с насилием на законном основании, т. е. при условии, что насилие остается в силе, значит — дватся в закодированный круг или для некоторых "избранных" — сидеть на вичном жаловании в парламенте. Итак, война в силу всеми законными и социальными. Но если война, то перед нами сильная армия воюющих, из

которых то тот, то другой пускает в нас смертоносную пулю. Понятно, что прежде всего мы снимем застрелщиков вражеского стана; мы прежде всего сгиним с теми, которые на нас напирают, но значить ли это, что весь вражеский стан не должен подвергаться нашему обстрелу? Значит ли это, что мы должны выждать, пока какой нибудь боей отаанный враг уложит одного или нескольких из наших рядов, чтобы иметь право поднять на него руку? Нет же! Вся вражеская армия связана круговой порукой, и если кто нибудь выдвигается вперед, то именно в уверенность, что армия станет грудой на его захвату. И каждый воин во вражеском стане не сегодня завтра может стать героем какой нибудь вылазки против нас. Итак, враг наш — это вся армия врага, с которой мы воюем неустойно — ежесекундно и ежесекундно.

Рабочий класс и крестьянство ежесекундно нападают на особенно рылаго капиталиста или на особенно жестокого помещика. Экономическая борьба в городе, аграрная война в деревни никогда не прекращаются, и ясно, что внимание рабочих и крестьян то и дело привлекается какой нибудь отдельный представитель класса капиталистов и помещиков. Но часто и целые группы и весь класс капиталистов и помещиков нависают на себя глыв и возмущение угнетенной массы и становятся мишенью ее грозных нападений. Во время высокого революционного подъема, в моменты обостренной классовой борьбы личности капиталиста и помещика ступениваются как бы, скрываясь за капитализмом и помещиком, как представителями своего класса. Вся армия думегубов и чиновников односторонности в каждом отдельном из них и он дается достойным народного возмездия, и ему угрожает нападение. Одиночки и начинают эти нападения. Такой распычатый террор есть прехтеча народного востания. Такой террор — ценно односторонний, так как он направляется большей частью в политическую реакцию — иль мсто и у нас в России, когда атмосфера накаляется революцией.

Перед революцией стояла тогда задача спалить глущую стену реакции. И если нам, анархистам, выбивал из строя целые группы буржуазии, удалось бы тогда внести разрушение в

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЯ.

Питд социалдемократы не обнаружили столько умышленной изворотливости, как в обсуждении вопроса о всеобщей забастовке; здесь то их догославная диалектика сослужила им наибольшую службу. Представьте себе положение правового социалдемократа, когда он должен в какой бы то ни было форме, но все же санкционировать всеобщую забастовку. Сколько надо было пустить в ход дипломатического искусства, чтобы не быть заподозренным в анархизм, чтобы не доставить анархистам случая позордствовать: у нас, мол, позимствован!

В самом деле, как затуманить, что социалдемократы вели многолетнюю ожесточенную борьбу с идеей всеобщей забастовки, ограничив ее всеобщей бесмыслицей? Как оправдать те измивические выходы, которые многие социалдемократы совершали во время практикования всеобщих забастовок? Что и говорить, положение незавидное. Одна только дипломатия и может вывести, а этой дипломатией и оказывается знаменитая диалектика. Диалектика в руках соц.-дем.-ов творит просто чудеса. Она их Христос-Искупитель,

она принимает на себя все грехи социалдемократического мышления, раскидывает на них на крест, на нее надет весь позор и унижение, а соц.-дем.-ты выходят чистыми и невинными, прощенными, и святыми, — хотя и способными в дальнейшем грешить, но окончательно позавинили, что они когда либо грешили.

Вооружившись диалектикой, социалдемократы считают себя в праве высказывать самую противоречивую мысль, перескакивая из одной крайности в другую, измывая свое мнение в прямо противоположном направлении, и не только не смущаться, но и требовать себя за это похвалы. Они ничего не отрицают и ничего не признают окончательно, они одновременно говорят и да, и нет, и таким образом они застрахованы от всяких ошибок. Социалдемократы вообще не ошибаются, они только учатся у жизни. Пришел черед за всеобщей забастовкой и они признали ее — жизнь их научила, но отнюдь не анархисты. Доказательство: ведь с анархистами все время из-за всеобщей забастовки только ругались, но анархисты ведь и приглашались учиться у жизни... Не правда! анархистам никто не пофитит, ибо у анархистов одна правда, а у желающих учиться у жизни и "жизнеспособных" партий должно быть много правды!

Когда под давлением жизни социалдемократы

ты "приняли" искренно, или с затасанной дозой всеобщую забастовку, они сейчас же прибавили к ней обезображивающий ее хвост: парламентское действие. Уже анархисты не могут хвалить, что у них сдлано познание — анархисты говорят только: всеобщая забастовка, она же, социалдемократы, всеобщая забастовка есть парламентское действие. Что всеобщая забастовка возможна, с этим вынужден был согласиться, но ушедшим де они будут только, если прибавить к ним этот хвост. То, что вора белгийская забастовка с явным потерей фiasco, а первая без яруса выиграла; то, что великая русская всеобщая забастовка прошла с успехом, когда в России ни о каких ярусах в вид парламентского воздействия и рчи быть не могло — отнюдь не противоречит, мол их, социалдемократов, мнению, так как эти, которые в обонь случаях ставили себя забастовки, были политическими. В первом случае введение всеобщего избирательного права, во втором введение конституционного режима.

И так, не только парламентское действие само по себе, но и парламентское "хотение", стремление в парламент освещает всеобщую забастовку, дласть их приемлемы для соц.-дем., проправляет их в политическая массовая забастовки. Всеобщая забастовки не будут

ряды буржуазной реакции, мы бы дали сознанию народа новое истолкование революции, как революции антибуржуазной, направленной против класса эксплуататоров. Уже буржуазии не удалось бы при помощи социалистов размыслить роль прогрессивного, освободительного класса, который на своих плечах несет всю революцию. Буржуазия с самого начала была бы затянута в ряды реакции и вступила бы в самодержавием и дворянством образовала бы одну темную силу, против которой и направилась бы ее несломленная и неустрашенная энергия рабочего класса. Таково было бы действие удачно организованного, последовательного и систематического антибуржуазного террора.

Другой момент применения антибуржуазного террора это период, следующий за поражением народа, когда буржуазия и дворянство, объединившись внутри себя и между собою, вступают с правительством, наступают на рабочий класс и крестьянство и отнимают назад все кровно завоеванные права, когда они со злобой и глумлением истязают народ за свой страх и смятение и стараются придать, приписать его, чтобы вытравить из его души всякий след и воспоминание о революции. Тогда душой народа овладевает злоба, — злоба против тиранствующей клики. Народ чувствует тяжесть всей громадины настоящего на него врага. Чувство мести рвется из души, но, бессильное выразиться в действии, возвращается назад, разбитое и опозоренное, оравшееся ядом отчаяния. И готова заглотить в души последние искра надежды. В этот момент взрывается целый взрыв злоумышленников против рабочего класса, собравшихся заткнуть, чтобы позвать плоды своей радостной победы. Акт как нельзя более катит. Возна, сочувствия поднимается повсюду творцами этого дьявола мести. Идея, выраженная в акте: Смерть буржуазии! подхватывается и превращается в горючую уверенность: Одолзем мы вражью силу! Возрождаются надежды, оживает мужество. Совершенный акт как бы взрывает канал, по которому устремится новый прилив энергии рабочего класса.

Для авангарда организованного и целесообразного выношение этих актов помочь завершить и сорвать тому настроению, которое зародилось и назревало само собой. В

обонх разобранных нами случаях настроение намечается самым моментом. Рабочий класс стоит в ожидании чего то, воля его направлена в известном направлении, да čím то связанная, она то клокочет крыльями, то опять сложит их. Проснется, проснется что то думать, да не можется. Энергия наготове, да нить для нее формы. И вот акт разламывает волю, освобождает ее, проясняет эту скрытую энергию, — дает ей форму и направление.

Отсюда выясняется роль авангарда. Он как авангард должен быть всегда впереди, но все так связан с массой. Он должен работать с ней на фабрике, в мастерской, в руднике и в поле. Он должен жить ее жизнью, горевать ее горем, радоваться ее радостью. Он должен всегда быть в курсе ее дум и в курсе ее настроения. Он должен тонуть в ее настроении, чтобы уметь во время отклонения на него, чтобы угасивать моменты, подходящие для удара. Порывав все вперед из прокладывая новых путей для ее сознания, он не должен отрываться от нее, чтобы не оказаться безответной группой, висящей в воздухе. Это единственный залог тому, что акты будут впитаны и восприняты массой, что сейчас же отзовется толк энергии в ней, что возбудится ее самостоятельность.

Но это не значит, что авангард должен двигаться цѣлком в плоскости понимания массы. Акт не только подводит итог настроению массы, не только записывает то, что есть. Нить, он гонит вперед это настроение, помогает ему зародиться, наростать и завершиться. Он творит новое понимание массы. Не понимание должно быть с самого начала, а предположение к пониманию. Акт, недоступный пониманию массы до своего совершения, делается доступным ей *после* своего совершения.

Из описания, что масса окажется неонаправленной, бюрократии анархического правления запереть такие акты, которые жьтат не в отдаленных, выдвинутых своими преступлениями буржуа и помещиков, а в целый класс буржуазии и помещиков. Масса, мол, только тогда и понимает, когда она видит конкретный повод за каждым актом. Акт же против класса находится вне ее понимания. Класс это идея, которая не ощущается непосредственно.

Вот это то утверждение и неправильно. Класс не идея, а конкретный факт, на который крестьяне и рабочие наталкиваются и ударяются, когда они приходят в движение. Аграрная волнения и всеобщая забастовка с одной стороны, эмиграция и локауты с другой — живо иллюстрируют перед крестьянами и рабочими идею класса. Объединение Советов промышленников с их наступательной атакой на рабочий класс и Объединенный Совет дворянства, восстановивший самодержавие — это настоящие воплощения классов буржуазии и помещиков. В моменты подъема и в моменты реакции классы надвигаются друг на друга своими острыми краями. Искрившееся классовое чувство из каждого события извлекает его классовый смысл и за отдаленными столкновениями оно чувствует то огромное столкновение, на встречу которому классы стремительно движутся. Террор наряду с другими актами классовой борьбы служит выразителем живое всеобщее классовое чувство, которыми преисполняется каждый отдельный рабочий. И если заставлять его «обсуждать» то что бы то ни стало отдаленные преступления отдельных преступников, то тем самым совершается насилье над действительностью: разбивается вздрогнувшая живая идея класса, признается и душит живое чувство ненависти ко всему эксплуататорскому классу. И если вновь и вновь подчеркивать, что террор применяется исключительно, как орудие возмездия за жестокие преступления капитализма и помещиков, то тем самым внимание рабочих и крестьян приковывается к чрезвычайности преступления, которое совершается над ними, к измышлению насилия, которое они вынуждены претерпеть, но не к самому постоянно совершающемуся над ними преступлению, не к вечно претерпеваемому ими насилью эксплуатации. Сознание рабочего класса возвращается в первоисточное состояние, ему навязывается представление, что пока что факт эксплуатации еще можно сносить, пока что он не оспаривается. В результате — сужение понятия классовой борьбы, приглушение классового чувства, ослабление стремительной энергии рабочего класса. Тем, что мысль пригвождена к отдаленному и единичному, тем, что разбита цѣлность классовой борьбы, удаляется в неопредѣленное

успешным, если он останутся тем, что он есть: непосредственным давлением на капитал и власть, только являющаяся нить, военная цѣль создает успешность всеобщих забастовок. Это по меньшей мере неоспоримо. Капитализм передает удар, но он сам как бы не чувствует его. Он как бы безгласный, беззвучный проводник через который проходить пролетарская энергия. Результаты забастовки проявляются как электрические искры: скачки и перемены. Там, где находится капитализм, делается пропуск, забастовка действует на расстоянии. Доказательство: из всех забастовок капитализм выжил нѣм и невредимым, капитализм не рухнул, следовательно он не чувствителен ко всеобщим забастовкам. На совете соц.-дем.-ов остается утверждение, что анархисты воображают, будто каждый раз, как происходит всеобщая забастовка, капитализм должен рухнуть. Сколько социальным революциям мы тогда переживали бы! Анархисты столь же мало декретизируют социальную революцию, как и любой из смертных, которому не суждено засѣять в социальдемократическом комитет. Они только говорят, что атмосфера всеобщих забастовок воспитывает пролетариат, делает его способным произвести социальную революцию. С каждой всеобщей забастовкой все больше массы

втягиваются в революционную борьбу, расширяется круг пролетарской солидарности, пролетариат сплачивается все больше тѣсными узами. Смутное настроение, недовольство настоящим и мечты о будущем, вылившись в массовые действия, выступают из тайников души наружу, рельефно обрисовываются на фоне сфѣры жизни и становятся фактами живыми, говорящими и непреодолимыми. Настроение переломилось волю и характер, перешло в плоть и кровь, сотворило личность.

Во время всеобщих забастовок совершается тот подъем личности, делается тот боевой дух, который делает невозможным существование и гнет капитала, и гнет власти. Всеобщая забастовка это одновременный удар по всему фронту режима Государства и Собственности. Достигли ли всеобщая забастовка непосредственных результатов в виде определенных материальных выгод, это вопрос относительной важности; эти выгоды могут быть, могут и не быть; при существовании капитализма всякая приобретенная выгода мимолетна. Капитализм существует — значит он достаточно силен, чтобы обороняться, он приспосабливается к новым условиям борьбы и сводит на нѣм все побды пролетариата, но каждая всеобщая забастовка обогащает пролетариат непреходящими благами: он выигрывает в

классовом самосознании и солидарности, в боевой остроте и подготовленности к социальной революции. Всеобщая забастовка, это социальная революция в ее зародении, это шаг к ее осуществлению. Эта попытка может неожиданно разразиться и принести небылые разбиты; благодаря вынужденности обстоятельств, попытка превращается в удачный опыт, а от удачного опыта недалеко до осуществления.

Многие социалдемократы в норме самозачеваия отбиваются резко порицать парламентское действие, высказывая ту ересь, что без революционного выступления масс оно ничто, но как только речь заходит о всеобщей забастовке, они возражают ему весь почет и уважение, которого они временно его лишены. Парламентское действие слова появляется на сцену живое и бодрое в былой силе и красоте. Оказывается, что даже всеобщая забастовка — это могучий взрыв пролетарского гнева, — ничто, если она не сопровождается парламентскими действиями. Безнадежное само по себе, оно оказывается богатырским уездом, если всеобщая забастовка обратится к нему за содействием. Парламентское действие только тогда действует превосходно, когда присоединяется ко всеобщей забастовке. Как же так? Вид по их мнению, и всеобщая забастовка сама по себе, нуд — как

будущее и идеалы, изъ нея вытекающий, терять для, которая необходима должна сопровождать борьбу за лучшую долю. Если хотите, это своеобразное приращение теории Махайского к области: анархического террора.

Чтобы закончить со всеми недомыслиями, которые густо обвивают вопрос о классовом антибуржуазном терроре, мы должны напомнить, что он прежде всего не противопоставляется экономическому террору; напротив того, антибуржуазный террор есть только высшая ступень развития того же экономического террора и он им сопровождается и даже в нем нуждается для того, чтобы не порвалась связь, соединяющая его с живой действительностью. И не надо представлять его себе изолированным и самодовольным средством борьбы, он только одно из звеньев той живой цепи, которая называется анархической тактикой. Наряду с пропагандой и агитацией, стачкой, бойкотом, прямыми захватами, экспроприацией и экономическими террорами, и антибуржуазный террор пускается в ход. Он естественно и стихийно вырастает из борьбы, как всякое действие рабочего класса, направленное к обороне и нападению.

До сих пор мы говорили о двух типах антибуржуазного террора, низших своей целью привлечь внимание всего рабочего класса к классу буржуазии, как к злому. Первый тип высказывается на сцену в период революционного подъема, второй в период реакции. Для того, чтобы достичь своей цели, эти удары должны быть направлены в центральные пункты буржуазной и дворянской реакции. Но есть еще третий тип антибуржуазного террора, называемый буржуазия, как таковую. Он не является прямо в центр, а в торжествующую буржуазия, где она попадает. Он может носить и совершенно мистический характер. Он приурочивается к моменту равнодушия народных масс, к идею разбить это равнодушие, встряхнуть народное сознание. Онозороженный и измученный человек, согнувшись под своим и готовый впасть на себя всякое бремя. За машиной он становится машиной и проглатывается адом, хозяйского презрения, дома уводят от недостатка пищи и света, на уни-

це чихает безработный, протискивает руки и продает себя проститутка. Все так обидно!

А наверху у хозяев жизни тянется вечный праздник. Самодовольные, сытые, напившиеся потом и кровью народа, насосавшие его соков и мозгу, они торжествуют, для свое время между эксплуатацией и разгулом. И опять так все так обидно!

И вот среди кучки веселящейся буржуазии лопнула бомба. «Это вам, вечно лжущим, от нас, вечно горящим». Разорвана завеса обидности. То, что продолжалось втайне, опознано как преступление. Преступление в каждом част случае существования буржуазии. «Мы изобилие, измучились, мы измучились, испугались, издрезали разбито наше мужество, у нас нет в нас цели и мысли, ни цели и чувства, мы образ свой потеряли, мы обезличены, — это все потому, что мы смиренно и безропотно носили свой позор. Сносим этот позор, отомстим! И гордо выпрямится наш дух, и выдохнется наше мужество и станем мы цельными, радостными и мощными людьми. Снесем с лица земли буржуазия и не будет больше ни позора, ни слез!»

Вот смысл этого типа антибуржуазного террора, и этот тип несет в себе массу, он хочет заразить их ненавистью к своим страданиям и к виновникам этих страданий, он хочет принести им резкое антибуржуазное настроение.

Вот этим то и отличается он от предыдущих типов террора, что в то время, как те предполагают уже возлит готовое настроение или до крайней меры уже наметившееся, он стремится только его создать.

А это уже гораздо труднее.

И хотя этот террор сам по себе полон внутреннего смысла, хотя направление его, жертвы, которые он себе выбирает, прямо говорят о том, что он собой означает, но иногда душа народа так мертвенно-неподвижна, так пустынно-глуха, что он может гулко прокатиться по ней, не вызывая на ее поверхности ни малейшей ряби, не встречая ни малейшего отклика.

Видь первое условие усвоения смысла террора — это, чтобы душа дилаталась и возмывалась. А если этого нет, то террор без-

силен пробудить душу, — ему на помощь должна прийти сила мощного слова, широкая и глубокая пропаганда, берущая на себя функцию истолкования террора. Только сопровождаемый своим словесным истолкованием, он и может перелиться в настроение.

Террор предполагает за собой подъем человека, его перерождение, он акт творения нового человека. Террор должен прийти во всей полноте своего духовного облачения, а если он приходит оголенный, бездушный, приниженный до простого технического приема, то вся операция бомбометания превращается в сухое выполнение абстрактного пункта программы, лишая, что антибуржуазный террор должен указывать, что существует класс буржуазии. Террор в роли простой учительской указки — это нечто ужасное, это худшее из худших!

Мы выставили на вид все те опасности, с которыми сопряжены акты антибуржуазного террора третьего типа. Такие акты требуют не только организованности чисто технической, но и организованности организационной. Террорист, идущий на такой акт, должен заручиться содействием целого пропагандистского и агитационного аппарата, чтобы тот мог во времени совершения акта развернуть вглубь и вширь идею, воодушевляющую террориста. Иначе крик его души, выраженный в акте, заперт не услышанным и не услышанным и не услышанным. А это худшее наказание для революционера. Ибо революционер это тот, кто стремится свой личный протест перелить в массовое сознание, чтобы подготовить то огромное чувство массового протеста, которое и является предусловием революции.

Кончая изъяснение перед товарищами, что я занимаю их разговором о терроре. О терроре не говорят, а его делают. По кругу этого вопроса накопилось так много бессознательного и сознательного непонимания, что не го верить нельзя было.

S—sky.

КЪ СОБЫТИЯМЪ ВЪ ЧИКАГО.

ГЕРМЕЙ АБЕРХАХЪ

Въ анархической печати появлялось сообщение, что Аберхакъ, убитый чикагскими полицейскими Шинномъ, не анархистъ, а безработный,

это изъ двухъ нулей составляется великая, могучая сила? Но въ томъ то и дело, что созвать только тогда обнаруживаетъ свою силу, когда ему на помощь придетъ еще третий союзникъ — общественное мнение. Оказывается, что всеобщая забастовка, прежде чѣмъ прибегнуть къ содействию парламентского действия, должна послужить любовью и уважением той части буржуазии, которая создаетъ общественное мнение. Всеобщая забастовка должна держаться въ определенныхъ, не загроможденныхъ буржуазии, границахъ, она не должна слишкомъ больно бить по интересамъ буржуазии. Такова сдерживающая сила этой „истинно“ классовой политики.

Политика рабочего класса, любезные сердцу буржуазии, уже постарается о томъ, чтобы парламент могъ работать въ атмосферѣ сочувствия. Зараженные этимъ сочувствиемъ (къ кому? к рабочимъ или к буржуазии?) они будутъ разсылать циркуляры съ требованиемъ (ясно: съ требованиемъ, обращеннымъ къ рабочимъ) не выходить изъ рамокъ законности, не нарушать легальныхъ основъ существования парламента.

На плечи всеобщей забастовки изъзвизавался, прежде ея непосредственной задачей, еще новая работа: сохранять во всей силѣ парламентъ. Берегите душу, господа забастовщики! — вотъ лозунгъ лозунгъ политиковъ.

Политики хотятъ вынудить саму власть издать соответственное распоряжение, хотятъ добиться реформы на законномъ основании, т. е. на основѣ не „подлежащихъ измѣненію“ основъ. Не говоря уже о томъ, что власть оборудуетъ реформу такимъ образомъ, чтобы отъ нея осталось только одно название, она вынудила бы еще и въ томъ, что на нее то никто не возмущалъ, что ея авторитетъ остался бы непоколебленнымъ и только за нею признано было бы право распоряжаться. Она отступила бы хотя съ маленькими, а можетъ быть и совсѣмъ фиктивными уступками, но въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, ничего не утративъ изъ своихъ свойствъ. Она осталась бы цѣлостной. Было бы ясно, что паслованіе одного человека другимъ не подпадаетъ измѣненію, что этого никто не оспариваетъ; что эксплуатация, державшаяся на власти, будетъ держаться и впредь, она утѣшена непркосновенностью власти; лежащее въ ея основѣ насилие не должно исчезнуть съ лица земли — въ этомъ всѣ согласны и въ этомъ всеобщимъ согласіемъ сила и побѣда власти.

У всеобщей забастовки отнимается одинъ изъ главныхъ ея результатовъ: разрушеніе власти, самозвольное осуществленіе зародкомъ изъ самихъ выставленныхъ требований. Всеобщая забастовка это нападенье на власть, „онолитаризованіемъ“ ея въ ней убивается это свойство. Вывавшая ее въ

узло-политическія рамки, тѣмъ самымъ ослабляя и ея экономическіе результаты. Она не обрушилась на капитализмъ со всей силой своего могучаго удара. Капитализмъ почувствовалъ только отраженный ударъ, онъ отразился отъ недостаточныхъ ему мягкихъ подушекъ, — депутатскихъ язычковъ. Такова она эта всеобщая забастовка подъ гегемоніей социалдемократовъ. Нѣтъ, она совсѣмъ не то, что у анархистовъ. Ее окармливали, общинали со всѣхъ сторонъ. Жалко смѣяться на эту беззастѣную и безграмотную курьезъ — этотъ надръ курьеза слѣдуетъ социалдемократовъ. — Социалдемократическія кулушки распространяли про анархистовъ сѣтливую небывину, будто они хотѣли влѣзть капитализмъ по морозу. Они скрестали руки на груди и будутъ ждать, пока у капитализмъ не лопнетъ терпѣніе. Отъ кого-кого, но ужъ меньше всего отъ анархистовъ можно ожидать политики терпѣливаго выжиданія!

И вся критика социалдемократовъ противъ всеобщей забастовки состоитъ въ доказательствѣ того, что годовому рабочему невозможно умирить капитализмъ голодомъ. Слѣсобо, что надумали! Какіе невинные младенцы эти анархисты! За то социалдемократы — удрученные онитомъ мужи: они предпочитаютъ влѣзть капитализмъ устраниеніемъ, нахрапомъ. Рабочіе только бастуютъ, а его „представители“ руга-

Вспомнить есть на ядо, — хоть он старается выдать парадоксический закон своего существования за закон "природы". Он есть этот выжидатель — ликующий собственник и государственный налеч... Здесь для Бориса главной задачей не было: мести, грозную мечь признавал он на голом братоубийце. Неправильно сложился в его душе, он не создал, а любил, ненавидя; отнюдь признавал скитать в творчестве очинял все, что было вокруг него в око его. Обиженный человек, при мысли о человеке, жалкий человек, — вот его органически не выносил Борис. А это не достаточно, чтобы современное общество напущу ему пестро на шею. Эта черта вряд-ли не самая характерная для его души. Жизнь же рабочего дала через-чур много материала для изматывающего обучения тому, что значит фраза "свободная личность" в современном строе. Помню, он и сам рассказывал один эпизод из своей жизни.

Еще не будучи анархистом, он работал в Лодови у одного столяра. Давал он шпайфы. Случилось с ним несчастье: он испортил как-то давнюю ему работу. Борис знал: хозяин будет ругаться долго, нудно, скверно. Борис решил исправить беду: надо только неспешно прокрасться на чердак, ночью, и сам переделать кое-что. Сказано — сделано. Утром он прокрался, тихо нагнал, луганно в робко опарился. И вдруг он почувствовал, что он — жалок, что он раб. Даже страшно стало: один, мальчик, почти ребенок, в этот большой город... И тут он ночью прокрадывается, унижается, трещит, бегает по-то. Ему стало противно это "предприятие", он не захотел поправлять. А на следующий день дал "ораторствующему" хозяину такой отпор, что тот уже надолго отказался от своего красноречия.

* * *

Борис любил труд, несмотря на то, что работать приходилось при немощно тяжелых условиях. Ему нравился сам процесс обработки сырых материалов, он живо чувствовал его, сросся с ним. В этом отношении он был типичный рабочий, в котором рельефно выражены все черты и даже гордость "производителя". Помню: в Женеве, против моей квартиры рабочие строили дом. И в то же время наблюдая Бориса восмислаивая знакомство рабочих, живо проглядывала та же любовь к труду. Эта "рабочая" психология объясняет, по моему, его глубокое понимание рабочих масс. Интеллигентское отношение к массе обыкновенно колеблется на двух противоположных плоскостях. То он падает на колени перед массой, сдвигая "народничества", пассивно умирный, что таким образом он становится близким рабочей массе; или же, наоборот, торжественно декламирует на тему: масса ничто, герой — все. И только глубокое знание массовой психологии, знакомство с языком своей, собственной, рабочей среды, может дать материал и почву для разрешения лодовича вопроса о наших способах политической служения массовому движению. Именно в социализме Борис видел элемент не критического народолюбия; в "безначальном" течении скрытый культ героя. Чувствовал Борис и неустанно говорил о том, что здесь нужно искать новых путей, что здесь пред нами величайшая, всемирная проблема рабочего освобождения. Как чувствовал он живо нудь рабочего движения! Он знал, какие сокровенные, порой проявляющиеся дотухи силы в нем — сейчас, когда инстинкты возможности — в будущем. Но знал он также, что власть обиденного по рукам и ногам спонсирует богатыря, превращает мас-

сы в рыхлое, инертное тло... Он знал сильные и слабые стороны и утверждал, что взаимоотношение анархизма и рабочего движения должно быть одинаково чуждо как рыхлодобренному народолюбию, так и самоодноточающему индивидуализму. Особенно долго беседовали мы с ним на эту тему во время последнего свидания в Варшаве. Это было предъ лебениной птней Бориса. Борис не был, что называется, "теоретиком", его мысли были выдвинуты самой жизнью, записаны в житейской борьбе. Но удивительно удачно он подбирал образ для своей мысли: в этом помогала ему художественная жила. Подчеркивал он особенно часто: необходимость *непрерывного* насилия, *непрерывной* атаки. Идея этой *непрерывности* вряд-ли не доминировала в его мироощущении.

Говоря на эту тему, он воодушевлялся, порой обрывал самого себя восклицанием: — Ach, ich soll das können beschreiben! (ох, если бы я мог все это описать!). Думаю, что Борис с восторгом встретил бы утверждение Сореля, что маленькое насилие, маленький бунт — в сущности полезны познаниям: им ведь нужно пугать "реакцию" призраком революции. Борис был уверен, что революционный минимализм способен породить и проявить все отрицательные стороны насилия, без его могучих, творческих, здоровых элементов. Но Сорель вбрызнул в нас: "В Конференции труда". Тут они не столковались...

В безмотивном терроре он подчеркивал его роль в борьбе с явной *обиденностью* в рабочей среде. Идет жизнь, порой нарушаемая массовым восстанием и бунтом, порой нарушаемая транзитными ставками. Но вот эти проклятые бунды! Они — эти бунды — пока — факторы жизни, а борьба, революционная жизнь — зножд... О, даю здесь не в терпении того или иного революционера. Даю глубже: именно в это мирное время складывается *обычное* право раба, жизни начинают казаться естественной, *нормальной*, испорченной только упрямством хозяина при предъявлении к нему частичных требований; *анальная* для рабочих, *принудительная*, буржуазная система дается *внутренней*... В эти то прозежухи *особенно* необходимо не прекращать атаки; выступление передового меньшинства, проявляющееся как одна из форм массовой борьбы, должно нарушить мирную обиденность, мнать сформироваться буржуазным нормам в факторы пролетарского насилия. Такой террор не может быть *материализован конкретными требованиями*; он *безмотивен* по отношению к частному требованию; чтобы его понять, рабочий должен думать о *всей* социальной системе, чтобы его искоренить — необходимо изменить *всю* социальную систему. Этот террор — не экономически-антибуржуазный, а социально-антибуржуазный. *)

* * *

Последний раз на волн мы видлись с Борисом в Варшаве... (После я видел с ним свидания в тюрьме). Тяжело мне вспомнить эту встречу... Встретились мы холодно, чужие, друг другу чуждые... Голоса наши звучали холодно, глухо, натишно... Казалось, какая то холодная, черная стена стоит между нами. Объясняется это просто: мы оба сильно, сильно изменились и даже переменились. Перебита в нем меня просто так поразила: Предомую стоял мужественный, ясный сформировавшийся

*) Разумеется я не прилагаю взгляда на "безмотивный" вообще, а лишь несколько его связываю с центральной идеей Бориса о непрерывности. Лично мой взгляд на "безмотивный" во многих отношениях изломан, усложнен.

Р-иния.

боем. Розовый, мечтательный пазет был сорван вихрем суровой, боевой жизни. Твердая упрямость, спокойная упрямость склонила в каждом движении... Мы оба изменились — но Борис — больше: в совершенно большей степени, тем я — практик, он побыв в самой бурной гуще жизни и она наложила печать суровой и почти торжественной серьезности... Потому-то я сначала не узнал Бориса, пока-завал он мне других, чужих и чуждым... Но мы скоро опять нашли общий язык. Борис утхал из Варшавы и... погиб.

Долго ждал он жизни... Помню, как я узнал о том, что Бориса уже нет... Кажется, мне сообщили днем, но странно; я не вбрызнул... Нет, это не точно: у меня я сомневался, что это так, но это был для меня какой то голый факт, без душевной окраски, без эмоций... Я несколько раз возвращался к этому факту, но опять таки он во мне ничто не вызывал: как будто мне что то далекое, далекое, невозможное, будто это было где то, когда-то...

Вечером я должен был в университете читать об анархизме... Большой актовый зал занят огнями... Я вхожу на кафедру и тут кто то млепнул: "Либманшевский казнен!". Я вздрогнул от этого шопота, предомую, встал образ — не Бориса, не Шерка — а... странно! матери Бориса. Да, образ этой мученицы-матери... Я только вчера был у нее. Боже, как жила эта женщина в эти дни! Какое страшное, нечеловеческое, немыслимое напряжение душевных сил!... Как она вся кипела, вся горела одной надеждой, одной мыслью: вырвать Бориса из холодных обильных палач... И вся жизнь обыкновенно бдлая, тусклая, приобрла какой то зловещий смысл: все, все это превращалось во вращение казнь, весь мир окутала холодная ночь. И лишь смерть, высасывала, пила кровь жизни. Все, все говорило: Бориса задушить палач! Но вот засветила надежда: ити, это поможет... Казнь Бориса хорошо ее приняла... Все обидно... Он не вбрызнул... И ей казалось, этой ослепленной матерью, что своей любовью и безпритворной мучкой она отгонит смерти, ей казалось, что сама палач не захочет задушить сына... Да разве Казнь Бориса палач? — Он ее хорошо принял, очень хорошо!... О, она как вода вбрызнет будет сопровождать сына на каторгу... Что каторга? — Лишь бы сердце Бориса, лишь бы он не превратился в холодный труп, задушенный веревкой насмешного палача... И она так жила своего Бота, так идеализировала депола! — Он ее хорошо принял, он не вбрызнул... И мученица, мать не знала, что она живет в "культурином" обществе, в котором не надо быть изреж, чтобы дунить, а надо только быть человеком — действительно, надо наскоро утхить мать, чтобы она не отыкала свои слезами дорогого времени, нудяла на то, чтобы поднимать другой смертный приговор. И образ этой мученицы, — матери мелькнул предомую.

И только после, когда я возвращался домой, я почувствовал, что совершилось: *Низ уже нит!*

Да, как уже нит! Ну, что же Борис не первый и — не последний. Но класс, "ландоит", из пбрыз своих выдвигают таких борцов: класс, из темных глубин которого выдвигают на поверхность жид, чье сердце бьется такой любовью, кинуть таю непавности, этот класс не может остаться в вбрыз позора и раба. Его воле подслушал Борис, его властная великая воля отпала от его жизни, заняв славный пост бойца.

И освобождающийся рабочий класс криво запомнит славное имя Бориса.

Р-иния.

ВАСИЛІЙ БАБЕШКО.

(НЕКРОЛОГ)

На развітті 14-го іюня 1907 былъ повѣшенъ екатеринославскій рабочій Василій Бабешко.

Сынъ бѣдныхъ рабочихъ, Василій съ дѣтскихъ лѣтъ работаетъ въ екатеринославскихъ жел.-дорожныхъ мастерскихъ. Еще въ 1894 г. онъ сталкивается съ социалистами-революционерами и вступаетъ въ ихъ партію. Съ 15-ти лѣтъ Бабешко всецѣло отдается революціонной дѣятельности: неустанно агитируетъ, устраиваетъ рабочие кружки, распространяетъ литературу.

Когда вспыхнула забастовка 1903 года, Василій энергично синамалъ съ работы еще не забастовавшихъ рабочихъ, былъ впереди во всѣхъ столкновенияхъ съ полиціей, горячо призываетъ забастовщиковъ къ борьбѣ, въ насилію. За эту забастовку онъ однимъ изъ первыхъ былъ выброшенъ изъ мастерскихъ.

Позже онъ поступаетъ въ нечюй заводъ Бельгійскаго общества въ Нижне Дніпровскій. Здѣсь онъ уживается недолго: въ качествѣ делегата отъ рабочихъ Василій вступаетъ въ переговоры съ администраціей завода, желающей понизить задѣльную плату. Пронсходитъ "столкновение" съ мастерами и Василій снова на улицѣ.

Долго послѣ этого онъ ходитъ безъ работы, но все же его мысли всецѣло посвящены революціонной дѣятельности.

Наконецъ, его принимаютъ въ паровозное депо стаціи Гринино Екатерины ж. д. Съ перваго же дня онъ отдается пропагандѣ: устраиваетъ кружки, печатаетъ прокламаціи, стремится организовать тайный рабочій союзъ. Послѣднее ему удается плохо. Среди всѣхъ рабочихъ онъ почти единственный устойчивый революціонеръ. Полиція же начинаетъ зорко слѣдить за каждымъ шагомъ рабочихъ. Наконецъ, послѣ одной особенно рѣзкой прокламаціи, жандармы нагнали на него на квартиру. Но заранѣе предупрежденный Бабешко благополучно скрывается со стаціи Гринино. Къ этому же времени относятся его первая спорная столкновения съ партіей С.-Р., въ которой онъ однако продолжаетъ оставаться.

Послѣ этого Василій работаетъ въ главнцхъ жел.-дор. мастерскихъ гор. Александровска. Здѣсь онъ остается вплоть до декабрьскаго возстанія 1905 г. Съ первыхъ же минутъ и до подавленія возстанія Василій занимался изготовленіемъ и метаніемъ бомбъ. Появляясь со своими бомбами на самыхъ опасныхъ мѣстахъ онъ силится придать революціи возможно болѣе широкой размахъ. На этой почвѣ у него происходили нескончаемыя тренія съ партіей. Наконецъ, послѣ одного "двуаго", по словамъ Василія, распоряженію комитета партіи, онъ заявилъ что не будетъ считаться съ партійной дисциплиной и тактикой. Василій сформировалъ вокругъ себя кружокъ и сталъ дѣйствовать вполне самостоятелно, но и въ это время онъ все еще считалъ себя Соц.-Революционеромъ.

Послѣ подавленія декабрьскаго возстанія, почти всѣхъ активныхъ участниковъ его расстрѣляли и отдали подъ судъ, но Василій удачно избѣжалъ ареста и вновь перѣхалъ въ Екатеринославъ.

Къ этому времени въ средѣ сознательныхъ рабочихъ идетъ сильное броженіе противъ политическхъ партій. Многие изъ нихъ отказываются отъ старыхъ организацій и входятъ въ группы А.-К. или организуютъ новыя. Среди такихъ и Василій Бабешко.

На заводѣ Шадуара, на Амурѣ онъ встрѣчается съ рабочими-анархистами. Здѣсь идетъ тщательное обсужденіе идей и тактики с.-ровъ. Въ серединѣ 1906 г. Василій окончательно уходитъ изъ партіи социалистовъ-революціонеровъ,

объявляя ей какъ и остальнымъ партіямъ буржуазіи непримиримую войну.

Много переучуалъ, много книгъ перечиталъ въ это время Василій. Еще и еще возвращалась его мысль ко всѣмъ партіямъ, которыя называютъ себя революціонными и пролетарскими. Опять и опять стремилась она среди нихъ найти ту, которая не укрѣпляетъ богатыхъ, не даетъ имъ въ руки новыхъ орудія для порабощенія бѣдноты, не создаетъ для бѣдноты новыхъ цѣпей. Въ концѣ концовъ онъ остановилъ свой выборъ на анархизмѣ.

Подъ Чернымъ Знаменемъ борющагося пролетариата Василій храбро сражался до послѣдней минуты своей богатой событіями жизни.

Въ концѣ 1906 года военно-полевые суды работали во всю. Василій готовилъ отвѣтъ на эту тактику повальнаго истребленія рабочихъ. 22 декабря 1906 г. онъ съ группой товарищей организуетъ нападеніе на полицію Амурскаго Предполагается однимъ ударомъ убить весь или хотя половину состава Амурской полиціи. Къ сожалѣнію, покушеніе это удалось не совсемъ. Выбѣло 15—20 человѣкъ бомбы Василія убили только трехъ казачьихъ офицеровъ, 1-го околоточнаго и стражника, да разрушили полиційскій участокъ.

Въ рабочей средѣ этотъ актъ вызвалъ много сожалѣнія, о томъ, что убиты "не всѣ собаки", въ особенности, что въ живыхъ остался "ископнитель" анархистовъ Кривоноженко.

Всѣхъ за этимъ Василій организуетъ второй ударъ полиціи. Въ недостроенномъ домѣ онъ помѣщается сильный сараи и легкимъ призомъ старается заманить туда полицію. Только мѣсяцъ спустя какал то женщина натолкнулась на бомбу. Явившаяся полиція взорвала ее на мѣстѣ и, конечно, не повесила при этомъ потерю.

На заводѣ Шадуара, гдѣ Василій въ это время работаетъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и симпатіей. Всегда абсолютно правдивый, прямой и искренній онъ пользуется общимъ доверіемъ.

Когда началась организація легальныхъ профессиональныхъ союзовъ, Василій горячо возсталъ противъ нихъ.

"Легальные союзы", правильно объяснилъ рабочій Бабешко, "могутъ дѣйствовать только такъ, какъ это не опасно для буржуазіи, разрѣшенной ихъ. Богачи для того и разрѣшаютъ рабочимъ объединяться въ открытые союзы, чтобы направить рабочее движеніе по мирному, безопасному для рабочихъ и неопасному для нихъ пути. Только въ тайномъ союзѣ рабочіе могутъ принимать единственно полезныя — рѣзко-на-

силственные способы борьбы". Благодаря этой агитаціи Василія, много рабочихъ покинуло легальные союзы, задумалось надъ организаціей тайнаго союза.

Въ февралѣ 1907 г., часть рабочихъ хочетъ провести Василія выборщикомъ въ Госуд. Думу. "Не въ депутатѣхъ дѣло, а въ нашихъ рукахъ — бороться нужно, а не въ Думу избираться" — рѣзко отказывается онъ отъ этого предложенія и подготавливаетъ свой отвѣтъ на открытіе Госуд. Думы: предполагается къ 20-му февраля въ 3-хъ крупныхъ губернскихъ городахъ и Екатеринославскомъ Амурѣ устроить крупныя динамитныя покушенія на "искоренителей революціи" изъ администраціи и буржуазіи. Простая случайность — недоставленій къ сроку динамитъ — помѣшила проведенію этихъ актовъ въ жизнь.

Двѣ недѣли спустя, Василій отправляется въ г. Александровскіи. Эта поездка оказалась для него роковою.

Какъ сказано выше, Василій былъ въ числѣ, за декабрьское возстаніе расчитанныхъ и отданныхъ подъ судъ, александровскихъ рабочихъ. Большую роль сыграли въ этомъ процессѣ инженеръ Василенко, начальникъ г. желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. На его показаніяхъ и была построена существенная часть обвинительнаго акта. Онъ не мало поработалъ надъ "ископленіемъ крамолы" и до послѣднихъ дней собиравался «у себя въ мастерскихъ завести порядокъ».

7-го марта 1907 г. Василій вмѣстѣ съ товарищемъ по заводу Шадуара выждалъ у мастерскихъ Василенко и на глазахъ многочисленныхъ рабочихъ, съ возгласомъ: «смерть врагамъ рабочаго класса!» тремя выстрѣлами изъ браунинга уложилъ его наповалъ. Послѣ отчаянной перестрѣлки онъ вмѣстѣ съ товарищемъ былъ кинутъ живыми, сильно избитъ и преданъ военно-полевому суду.

«Если бы я не убилъ Василенко, говорилъ онъ на судѣ, послѣ объявленія смертнаго приговора, — его убилъ бы какой-нибудь другой рабочій — онъ былъ врагомъ рабочаго класса, а со своими врагами рабочій классъ будетъ всегда расправляться такъ, какъ и расправился съ Василенко».

Идя на казнь Василій былъ удивительно спокоенъ. Всю дорогу онъ тихо переговаривался съ солдатами и объяснялъ имъ за что погибаетъ. По подѣ самой величайшей исполненіе приговора неожиданно приостанавливается. Дѣло передается въ Одесскій военно-окружной судъ. Воспользовавшись этимъ, Василій съ товарищемъ рѣшается бѣжать. Они закладываютъ сношенія съ возей и въ ночь на 22-ое апрѣля во время пасхальной заутрени 5 товарищей дѣлаютъ смѣлѣйшій набѣгъ на тюремную церковь, убиваютъ старшаго надирателя, ранятъ еще троихъ и открываютъ для всѣхъ заключенныхъ двери тюрьмы. Вмѣстѣ съ Василіемъ бѣжало 16 человѣкъ.

Но, увы, не долго пробѣжалъ онъ на свободѣ. Безъ денегъ, безъ оружія, безъ средствъ скитался онъ по Екатеринославу, переходя съ одного ненадежнаго мѣста на другое. Совершенно неожиданно, онъ былъ захваченъ сильными парадомъ полиціи. Его посадили въ Екатеринославскую тюрьму и черезъ нѣсколько дней военный судъ иторично вынесъ ему смертный приговоръ.

Предсѣдатель суда предложилъ Василію подать на высочайшее имя просьбу о снисжаніи приговора.

«Просить познанаія значило бы раскаться въ своей дѣятельности, мнѣ же не въ чемъ раскаться», отвѣтилъ на это Василій и на ближайшемъ же свиданіи передалъ товарищамъ свое послѣднее желаніе. «Пусть моя смерть не останется безъ мести».

Въ послѣднемъ письмѣ Василій писалъ: «Мно-

* Предмѣстье Екатеринославъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

Лодзь. — Времена мигаются, — торжествующе обращается у нас почти каждый мастер, каждый хозяин к рабочим, — раньше мы бастовали, а теперь наше время пришло. — И действительно, хозяйская забастовка грозит отнять у рабочих последнюю возможность жить и кормиться. Особенно отличаются гордые свои старыми побдами хозяева ткацких фабрик. Во главе их на этот раз стал второй по своему богатству постъ Познанского фабриканта Шейблер. Он объявляет своим рабочим, что отныне они будут работать на 1½ часа больше и получать за свою работу на 45% меньше прежнего. Взрослые рабочие откликнулись на это объявление гробовыми молчанием. Забастовали только работающие на этой фабрике дети. На них то и обрушил свою похвалу злобу фабрикант Шейблер. По его наущению, всегда готовый к услугам хозяев полиция выслала в Сибирь около 30 подростков от 15 до 17-летнего возраста. Остальных, детей от 15 до 10 лет, привезли в участок и там выжили. Чтобы усилить страдания маленьких мучеников, при этом счёте заставили присутствовать их родителей. „Отцы! Отцы!“ — призывали избиваемых детей. А бедные отцы, понуро стояли, и не смели вмешиваться, чтобы не подвергнуться той же участи. Неужели же рабочий класс простит своим кровопийцам это издевательство? Неужели простят себя когда нибудь взрослые рабочие фабрики Шейблера свое молчание, которое выдало на истражение их маленьких братьев?

Противившись на этом опыту, что рабочие встречают без отпора дальнейшие прижимки, всё хозяева здешних ткацких фабрик, но постановлению главного комитета их союза, объявили рабочим те же условия, что и Шейблер. До сих пор рабочие из этих условий не согласны; что будет дальше: уступать ли голодные рабочие, или силой заставить хозяев прекратить свои прижимки, не знаем. Впрочем, что победит хозяева: сильное сопротивление и першительными нами рабочие.

Варшава. Здешним хозяевам не дают спать услады Лодзинских фабрикантов. Стоять даже самому мелкому предпринимателю поспорить со своими рабочими, и уже слышится угроза: „им нас выбросили на улицу“. И эта угроза для рабочих не пустой звук. Каждый день закрываются все новые и новые мастерские: это хозяева хотят смарить своих рабочих, унизить их так, чтобы и пикнуть не смели. В течение одной недели нибудь неждан закрылись, крошечные мастерские ткацких, лакированной фабрики братьев Эльштейн, завод Белгійской компании и проволочная фабрика Велюновского. Со всеми этими фабриками рабочих выбросили за то, что не согласились на уменьшение платы на 25%, и увеличение рабочего дня на 2 часа. 2½ тысячи человек осталось на улице. И это перед самыми святами, когда семья каждого из них мечтала о наступающих праздниках.

Но эти 2500 человек только капля из моря по сравнению с множеством рабочих, подвергшихся докату или согласившихся на самые ужасные требования хозяев. Так, напр., владельцы кожевенных заводов хотят теперь понизить заработок своих рабочих на целую треть.

Большинство рабочих встречают эти претензии хозяев молчаливо.

Только нибудь понимают, что хозяина можно довести до смиренного, а кулака. Из случаев такой насильственной борьбы отбился покушение на владельца пекарни Чужака, которому бойбой оторвали ногу (19 декабря) и возбудили террористического движения среди сложившихся механической обуви. Борьба „механиков“ тянется вот уже больше 2-х лет и ее история в высшей степени печальна. В 1907 году, после того, как рабочие из отчаяния на угрозу докату выставили целый ряд требований, началась забастовка, которая тянулась больше шести месяцев. Бундовский профсоюзный союз собирал вознаграждения рабочих и убивал их уступив хозяевам, чтобы, вступив в союз, заключить „догод“ и потом забастовать снова. Рабочие предложили более прямой путь: они решили сделать упрямо хозяев силой. Но главнейшие деятели стали анархисты. Были вы-

брана стачечная комиссия, которая занималась организацией экспроприаций, деньги за которых потяли голодными стачечниками и устроили целый ряд нападения на хозяев (из короткое время было брошено несколько десятков бомб в убито несколько хозяев). Из этой битвы рабочие вышли победителями: все требования были удовлетворены. Из завоеваний этой стачки рабочие считают самыми важными введение высшего работ на дому хорошо устроенных мастерских. Конечно, перепуганные хозяева, уступив, все же искали, как бы сломить рабочих. Но их указаниям полиция арестовала и выслала самых действительных участников стачки. Но ее завоевания все же оставались в силе. Тут то на помощь полиция пришла г.г. бундовцы. Начали с задержания: „вот видите, — говорили рабочим, — вас рассматривают, арестовывают, мы знаем это заранее. Вот выпустят самых действительных, а потом хозяева и повернут все на старое“. Под шумок, г.г. бундовцы распространяли самую подлую ложь про анархистов. Анархисты, мол, для того и устроили эту стачку, чтобы сделать экспроприации; они на этих экспроприациях нажились, а нас теперь за них арестовывают и т. д. все из той же бундовской лжи. В оплодотворенной арестами рабочей среде эти наплевательские тырили еще большую ненависть. Постепенно хозяева снова перешли на наступление.

При благосклонном содействии профессиональных союзов им удалось добиться возобновления работы на дому. Объединенные было в одно целое, рабочие снова должны были уйти каждый в свой угол; снова началась работа через силу, снова каждый рабочий оказался один, безпомощный перед объединенными хозяевами. Хозяева торжествовали, торжествовали и Бунды. Прекращение террора привело, правда, к ужасно бедственному положению рабочих. Но где тут думать о рабочем, когда дело идет о сохранении социал-демократического способа „мирной борьбы“. Полиция перешла и перешла анархистов, и бундовцы торжествовали. Но торжество это оказалось напрасным.

Аресты и даже смерть двух-трех десятков анархистов не могли побудить сложившихся отказаться от единственно правильного способа борьбы. На смену погибшим в их рабочей среде вышли новые люди и террор против хозяев снова возрождается. В конце октября двое „неизвестных“ вошли в кабинет хозяина Клячкина и 2 выстрелами из револьвера уложили его на месте. Насколько лживо оказалась существование предостережений „безопасности“, „переговорам“, видно из того, что на завтра же после смерти Клячкина его семья заявила, что покойник и сам „думал“ открыть фабрику. В начале декабря группа вооруженных рабочих с той же целью, заставить хозяев открыть фабрику, напали на магазин обуви Смоленского и Яворского. При этом произошла перестрелка, из которой с обеих сторон погибло 5 человек. Оба эти акта вызвали из рабочей среды широкое сочувствие и можно рассчитывать на то, что эти единичные пока случаи нападения на хозяев скоро найдут себе много притворов в рабочей среде.

Винница, Подольской губ. В нашем городке, как и по всей России, идет реакция. Хозяева теперь высоко подняли голову и чувствуют себя господами положения. Недавно они устроили собрание, на котором обсуждали, как им бороться с революционерами. До выдачи им руки полиции дело однако не дошло, так как здешние богачи хорошо запомнили историю с хозяином Кантою, который 2 года тому назад был убит анархистами за то, что хватался за полицию, когда во время стачки пришли снимать рабочих его мастерской.

Наше богаче боятся революционеров, так как знают, что они могут постоять за себя. Рабочие же давно перестали идти как слепые бытия выступать против них и над ними надвигаются, сколько хозяйской душеньки угодно. Почти каждый месяц приносят рабочим новое понижение заработной платы или увеличение рабочего дня.

До сих пор против хозяев выступили только заготовщики. Проникло это следующим образом. Собравшись по приглашению, особенно усердного из борющихся с рабочими, своего коллеги Шанро, хозяева заготовщиков объявили рабочим новую очень суровую условия труда. Заготовщики забастовали. К сожалению они вместо того, чтобы силой заставить хозяев

уступить, стали думать о том, чтобы добиться уступок продолжительностью своей стачки. Конечно, у хозяев было больше денег, а потому и больше терпения. Вместо того, чтобы разбить голову заготовщикам всей этой историей Шанро, рабочие стали думать об устройстве на время стачки артельной мастерской. Понятно, что как только они с небольшими деньгами начали хозяйничать, дело пошло из рук плохо и они очень скоро передрались. Мастерскую пришлось закрыть и хозяева победили.

Если бы заготовщики силой заставили своих хозяев уступить, то остальные рабочие увидели бы, что с хозяевами еще можно бороться, и последовали бы хорошему примеру. Теперь же неудача заготовщиков привела их к еще большему унынию.

Если кто нибудь со стороны не покажет рабочим на хозяйских боках, что еще можно с успехом бороться, то этому унынию трудно предвидеть конец.

Корреспонденция из Вуки, Елисаветграда, Бостона и истор. блостокск. движения отложены до след. №-ра.

Отчет Киевской группы из полученных в июль 1908 г. от борисоглбских максималистов денег.

Услуги максималистам:
11 браун. в Борисоглбск 330 р. — 850 патр. 76 р. 50 к. — 100 патр. Нагана 12 р. — 11 обойм. 11 р. — 2 браунинга в Тамбов 70 р. — 100 патронов 10 р. — 2 обоймы 2 р. — Транспорт 10 р. — Т-ф-ю перед отъездом 100 р. — Ему же в Киев 6 р. — Передачи из тюрьмы 110 р. — Подачи из Борисоглбск и Тамбов 95 р. — Спешная с тюрьмы 28 р. — Мелкие расходы (телеграммы, почта, явки) 12 р. — Цан. калей в Б-ю 1 р. — Я. за квартиру М-я 5 р. — Подготовка поезда 145 р. — Всего 1023 р. 50 к.

Расходы Киевской Группы А.К.:
Лаборатория 235 р. — 4 браунинга 107 р. 50 к. — Патроны 100 шт. 9 р. — 3 обоймы 3 р. — Мимограф (подача в Васильков) 10 р. — Паспорта 18 р. — Книжки 4 р. — Антечи. склад 5 р. — Долги (за лето) 45 р. — Квартиры (за август и сентябрь) 35 р. — Для С. Н. 10 р. — Пр-вой 27 р. — Учасок 18 р. — С. (бжж. из силки) 11 р. — Лову (из П.) на дор. 8 р. — Ф-ш с июля до половины сентября 35 р. — Е-ш (авг. до сер. сент.) 20 р. — Р-а с июля до сер. сент. 25 р. — Отъезд Ф. 20 р. — Приезд Е-ш 10 р. — Его отъезд 20 р. — Р-л. 4 р. — Р. пер. из участка 5 р. — В-ш 5 р. — А-ш 3 р. — А-ш в участок 5 р. — 3-ш 2 р. — Н-ш 3 р. — Н-ш сер. июля до кон. сент. 35 р. — Н-ш при отъезде 236 р. — Ему же в тюрьму в У. 30 р. — 1. Киевскому 7 р. 50 к. — Направление 13. — В-ш долга А-ш и В-ш 15 р. — Мелочи (с июля до сер. сент.) 15 р. — Передача из тюрьмы Б-ш 2 р. — Итого 1057 р. — Всего по 2 груп. 2080 р. 50 к.

Денежный отчет группы „Бунтарь“ (за сентябрь—декабрь и первую половину января).
Получено:
От группы Пати. 250 руб.
От т.т. из Бостона (3 дол. и 5 дол.) . . . 8 дол.
От т.т. из Парижа 21 фр.
От т. Густана 250 руб.
От Подольской группы 15 руб.
От т. 25 фр.
Итого в франках 1456

Расход:
Отъезд 4-х товарищей в Россию . . . 130 фр.+320 фр. (для двух) + 206 фр. 606 фр.
Обмундировка уезжающему в Россию. . . 15
Приезд товарища 70
Уплата долга по изд. № 2—3 ляска Бунтарь . 50
Других долгов группы 140
Транспорт литературы 110
Почтовые расходы 40
На жизнь товарищам 135
Надвие письма Р-шана 15
Надвие № 4 ляска Бунтарь 265
Итого 1446

К товарищам. Редакция ляска „Бунтарь“ поздравляет с 6-го Января отъездом: „Письма из мастерской и деревни“. Просят товарищам рабочих и крестьян писать о своем житье-бытье. Письма следует пересылать анархистам, живущим за границей, для того, чтобы они уже переслали нам. Адрес для писем за-границей: Е. Н. d. rue de Garance, 49, Свейсе, На востр. кон. „Д. Бунтарь“.